

3. Духовное возрождение общества и православная книга

В. Л. Александров

Учреждение образования «Белорусский государственный университет информатики и радиоэлектроники», Минск

«РОЗА МИРА» ДАНИИЛА АНДРЕЕВА: В ПОИСКАХ РЕЛИГИОЗНОГО СИНТЕЗА И КОНФЕССИОНАЛЬНОГО СОГЛАСИЯ

Господство воинствующего атеизма в советское время, особенно в период сталинизма, каждого ставило перед экзистенциальным выбором. Любое открытое исповедание религиозной веры грозило остракизмом: за неё можно было лишиться работы, круга общения, а нередко – свободы и даже жизни. Сотни тысяч мирян, священнослужителей и монахов оказывались в жерновах репрессивной машины именно за свою стойкую приверженность вере. По данным исследователя репрессий Леонида Морякова, в Беларуси только православных священников и иных служителей церкви было подвергнуто репрессиям более двух тысяч человек [1]. Аналогичные процессы происходили и в других советских республиках.

Тем ценнее и важнее для нас, живущих в условиях свободы вероисповедания и уже забывших или не знающих, сколь большую цену нередко приходится платить за этот выбор, духовный опыт тех людей, которые в страшных условиях смогли этот выбор сделать и не боялись отстаивать его творчеством, словами, самой жизнью.

Одним из таких мужественных исповедников христианской веры был русский поэт и мыслитель середины XX века Даниил Андреев. Сын знаменитого писателя Серебряного века Л. Андреева, воспитанный в глубоко православной – приёмной – семье московского доктора Ф. Доброва, Д. Андреев формировался как глубоко религиозная личность. Любовь к обрядовой, культурной стороне православия у него соединилась с некоторым личным духовным опытом (озарением, прозрением), который он начал испытывать ещё в юношеском возрасте. Примечательно, что первый опыт подобного рода он приобрёл возле Храма Христа Спасителя ещё 14-летним подростком, в августе 1921 года. Многие дальнейшие «прорывы сознания» происходили именно в церквях.

Вторым важнейшим местом и источником религиозных чувств и творческого вдохновения для Д. Андреева всегда была природа: в десятках стихотворениях и в прозе он даёт не просто лирическое описание природы, а именно выражение духовного (а для него однозначно религиозного) переживания стихий природы как творений Божьих.

Третьим местом прозрений и откровений, роковым, но провиденциально благословенным и творчески плодотворным, оказалась тюрьма. Арестованный в 1947 году по обвинению в подготовке покушения на Сталина, Д. Андреев пережил несколько потрясений. Во-первых, при аресте было изъято и впоследствии уничтожено практически всё им написанное, в том числе главный роман жизни – «Странники ночи», который он писал на протяжении десяти лет. Во-вторых, по тогдашней жуткой традиции единоличное дело разрослось в «групповой ком», под которым без вины были раздавлены несколько десятков человек, в том числе жена и большинство родственников и ближайших друзей. В-третьих, приговор самому Д. Андрееву оказался и суров, и благосклонен одновременно: 25-летнее тюремное заключение. Этот максимальный на тот момент срок был введён как замена отменённой в стране (и вскоре восстановленной) смертной казни. Второй удачей было место заключения – не лагерь, где не было бы возможности писать и где слабого здоровьем поэта, участника и инвалида Великой отечественной войны, наверняка ждала скорая гибель, а тюрьма, при всей тяжести условий пребывания, давшая шанс и возможность продолжить и завершить главное дело жизни – творческое выражение личного духовного опыта в художественной и иной форме. Не случайно, сам Д. Андреев отмечал: «как могу я не преклоняться с благодарностью перед судьбой, приведшее меня на целое десятилетие в те условия, которые проклинаются почти всеми, их испытывавшими, но которые, вместе с тем, послужили могучим средством к приоткрытию духовных органов моего существа?» [2, с. 34].

Правда, эта «творческая лаборатория» была местом более чем экстремальным: написанное неоднократно изымалось и уничтожалось, поэтому произведения приходилось восстанавливать по многу раз.

Смерть Сталина и хрущёвская «оттепель» привели к большим изменениям в стране. После XX съезда были освобождены многие узники ГУЛАГА, но самому Д. Андрееву тюремный срок был лишь сокращён – с 25 до 10 лет заключения. Он вышел на свободу тяжело больным (после перенесённого инфаркта), бездомным, безработным, без средств к существованию, но со спасёнными чудом рукописями. Последние два года жизни прошли в непрерывной доработке произведений, в условиях неустроенного быта и борьбы за выживание. Жена поэта, А. Андреева, мужественно и смиренно хранила рукописи до того времени, когда их можно будет опубликовать. Это время пришло лишь на излёте существования советского строя. В 1990 году была опубликована главная поэма «Железная мистерия», а в 1991 – ставший знаменитым трактат «Роза мира».

Содержательная сложность и жанровая многослойность трактата привели к самым разным его интерпретациям. Большинство читателей разделились на два противоположных лагеря. Для одних «Роза

мира» стала книгой-событием, беспрецедентным по глубине и масштабу откровением об устройстве мира, о закономерностях истории, о судьбах человечества. Другие обрушились на творчество автора с обличительной критикой: обвинения в оккультизме, ереси, духовном прельщении и даже сатанизме звучали всё громче. Большинство же предпочли не заметить трактат, не справившись в том числе со сложностью «картины мира» автора. Это неудивительно, ведь для описания этой картины Д. Андрееву понадобилось вводить десятки авторских неологизмов. Легче было отринуть всё сразу, чем разбираться в этих художественно-философско-религиозно-мистических хитросплетениях и нагромождениях.

И всё же творчество Д. Андреева продолжает волновать и будоражить. Слишком актуальным оно оказалось, созвучным многим проблемам и вопросам сегодняшнего дня, чтобы можно было его просто игнорировать. Достаточно сказать, что заключённый сталинской тюрьмы в 50-е годы с удивительной точностью предвидел многие события, которые случились десятилетия спустя. Например, в поэме «Железная мистерия» предсказаны распад Советского Союза («рухнула в ничто глыба государства» [3, с. 229]); объединение Европы после развала социалистического лагеря («сплав сорока стран» [4, с. 261]); хаос и рыночные преобразования 90-х годов («Частушечник с балалайкой на площади: Маркса грыз да Сталина, / Бац – кругом развалина./ Коль не каплет из носу, / Приучайся к бизнесу» [5, с. 264]).

Но в рамках статьи мы сосредоточимся на одном аспекте его сложной, многоуровневой концепции – вопросе о религиозной жизни, её формах, истоках, механизмах и перспективах. Как указывалось выше, сам Д. Андреев даже в годы открытых гонений на религию, на церковь открыто и смело исповедовал православную веру. Некоторые его стихотворения посвящены Христу, Богородице, святым русской православной церкви, являются своеобразными личными поэтическими молитвами. Но при этом вокруг «Розы мира» сложился ореол книги религиозно-экуменической, вне- и надконфессиональной. Есть ли в этом противоречие и если есть, то можно ли его разрешить?

Вопрос этот не праздный не только по отношению к творчеству самого Д. Андреева. Он приобретает особую остроту в контексте сложных, противоречивых процессов глобализации. Не зря канадский социолог М. Мак-Люэн ввёл удивительно точный образ для современного мира – «глобальная деревня». Рухнули многие физические границы и социокультурные перегородки. Расстояния сократились или исчезли. И лицом к лицу оказались многие люди с разными, нередко несовместимыми (как им представляется) верованиями, традициями, ценностями, образом жизни. Испытываемый культурный шок для людей традиционалистских обществ резко повысил остроту восприятия и оценки иного, чужого. Вырос градус враждебности, агрессии. При резком расширении свобод, в том числе свободы творчества, печати, вероисповедания, отнюдь не наступил межнациональный и межконфессиональный мир. Напротив, обострились многие застарелые конфликты и возникли новые. Растерянность политических и культурных элит, особенно в свете волн беженцев, роста терроризма, лишь усугубляет ощущение хаоса, мирового беспорядка, глобальной нестабильности.

В этом контексте именно концепция Д. Андреева, даже сама его жизнь, является примером того примирительного религиозного синтеза, который указывает путь, отличный и от узкого религиозного догматизма, консерватизма, тем более фанатизма, и от всеядности экуменических течений.

Главное отличие концепции Д. Андреева от экуменизма в том, что приверженцы последнего (например, Лев Толстой), считали источником и причиной вражды религиозных сообществ различия между ними. Отсюда рисовался путь к религиозному примирению: найти то общее, что объединяет верования, и отбросить различия, из-за которых возникают споры и разногласия. Но этот путь утопичен, он исходит из поверхностно формального отношения к религиозным идеям и принципам. Ведь даже самый минимальный набор таких идей (например, идея Бога и бессмертия души человека) и минимальный набор принципов и норм (например, заповедь любви к ближнему), опрокидываясь на сложную, противоречивую реальность, подлежат различным интерпретациям. Разногласия возникают не столько на уровне формулировок догм и заповедей, сколько на стадии их применения, понимания, толкования. Под каждое религиозное или моральное правило, например, заповедь «не убий», подводилось столько исключений, что даже массовые кровопролития многими не считались нарушением заповеди (крестовые походы, казни инквизиции и т. д.).

К тому же сам поиск общего мировоззренческого религиозного основания столь обедняет религиозную жизнь в обрядовом, культовом, творческом и других измерениях, что сама эта бедность становится причиной отталкивания, отторжения от подобных экуменических площадок. Наоборот, мы из истории религий видим, что даже минимальные отличия часто оказывались причиной религиозного обособления, создания новых течений, церквей, сект.

Д. Андреев в этом смысле кардинально отличается от экуменической установки на обеднение содержания религиозной жизни и творчества. Напротив, он считает, что многие религиозные различия указывают на неповторимую ценность и самобытность, на уникальный вклад той или иной конфессии в общее религиозное строительство.

Д. Андреев выделяет две основные причины различий религий: «во-первых, в силу различных ступеней своего восхождения к абсолютной истине, то есть сообразно убыванию в них субъективного, эпохального элемента... во-вторых... в силу того, что они говорят о разном, отражают различные ряды объектов познания» [6, с. 24].

Группа первых различий поясняется мыслителем с помощью оригинальной гносеологической концепции, в которой понятие истины классифицируется по двум основаниям. Д. Андреев выделяет истины абсолютные и относительные, а также универсальные и частные. Абсолютная универсальная истина – всеобъемлющая истина о мироздании – дана только Богу и совпадает с ним. Абсолютная истина частная есть полное отображение каким-либо субъектом самого себя и она оказывается ему доступной только на высочайшей ступени духовного восхождения (например, при жизни человека это невозможно). Относительная универсальная истина есть ограниченное знание о мире в целом какого-либо индивидуального или коллективного субъекта (например, конкретной церкви). Относительная частная истина есть ограниченное знание о какой-либо части мира (объекте, событии, процессе) индивидуального или коллективного субъекта. Главную – хотя и не единственную причину споров и разногласий Д. Андреев видит в неправомерном смешении этих видов истин. Нередки ситуации, когда индивидуальный или коллективный субъект своё знание – ограниченное временем, средой, контекстом – выдаёт за незыблемое, вечное, абсолютное, верное для всех и навсегда. Соответственно любые расхождения с такой картиной объявляются ошибкой или ложью, или ересью. Как подчёркивает Д. Андреев, «ошибочность религиозных догматов, заключается, по большей части, не в их содержании, а в претензиях на то, что утверждаемый догматом закон имеет всеобщее, универсальное, космическое значение, а утверждаемый догматом факт должен исповедоваться всем человечеством, ибо без этого будто бы нет спасения» [7, с. 25]. И далее указывает, что для снятия таких разногласий и мнимых противоречий «не требуется ничего, кроме отказа каждой из сторон от претензий на универсальную исключительность своей идеи» [8, с. 25].

В качестве иллюстраций Д. Андреев приводит «из сотен возможных примеров» несколько: утверждение или отрицание идеи перевоплощений (реинкарнации), троичности Бога, единственности Бога, божественной природы Христа, культа святых, иконопочитания. Споры между восточными и семитическими религиями, между христианами и мусульманами, между самими христианскими конфессиями возникли, по Д. Андрееву, не на пустом месте, однако отнюдь не являются неразрешимыми. Для продвижения по пути их решения нужен особый тип личности – искренне верующий, но не фанатик, человек с широким кругозором, ясностью мышления, религиозной и общекультурной терпимостью, дружелюбием, способностью к состраданию и сорадованию, сотворчеству и соверчеству (авторский неологизм). Поэт надеялся на возникновение новой педагогики, которая будет формировать подобный тип личности, названный им «человеком обогороженного образа».

Далее Д. Андреев указывает «вторую историческую и психологическую причину укоренившихся разногласий между вероучениями: неправомерное отрицание чужого утверждения только на том основании, что мы не располагаем положительными данными по этому вопросу» [9, с. 25]. Действительно, само отсутствие личного или коллективного опыта для многих означает неосуществимость верификации или фальсификации духовного опыта других, а значит, скептическое или критическое отношение к их свидетельствам или трактовкам. Но Д. Андреев выражает надежду, что «при условии доброй воли, при энергии и инициативности руководящих лиц пропасти и рвы, разделяющие ныне все религии, будут постепенно засыпаны, и хотя каждая из религий сохранит своеобразие и неповторимость, но некоторый духовный союз, некоторого рода уния сможет со временем объединить все учения “правой руки”» [10, с. 28]. В качестве позитивного примера мыслитель приводит многих японцев, которые, став исповедовать буддизм или христианство, в то же время остаются верными своей национальной религии – шинтоизму (синтоизму): «синкретизм японцев... есть не психологический парадокс, а, напротив, первый намёк на то, как должны дополнять гармонически друг друга опыты и истины различных религий» [11, с. 29].

Такая установка и такая программа может скептиками и критиками и поныне считаться нереалистической или даже опасной, но эта критика должна исходить из современной социокультурной ситуации. Последняя же определяется двумя процессами: 1) информационной, экономической, научно-технической и другими формами глобализации; 2) обострением национальных, религиозных, культурных конфликтов и противоречий именно в условиях глобализации. А это значит, что нарастание двух этих сложных процессов с ещё большей остротой неизбежно будет ставить вопрос о поисках путей мирного, гармоничного сосуществования людей разных верований, разных мировоззрений. Концепция Д. Андреева может оказаться ярким примером движения по такому пути.

Список цитируемых источников

1. Маракоў Л. У. Рэпрэсаваныя прываслаўныя свяшчэнны - і цпкоўнасузьжэлі Беларусі 1917-1967. Эцыклапедычны даведнік у 2-х тамах. Абаленскі – Кушнер. Т. 1. Мінск, Беларускі Эказрхат, 2007. 464 с.
2. Андреев Д. Л. Роза мира. Метафилософия истории. М., Прометей, 1991. 288 с.
3. Андреев Д. Л. Железная мистерия : Поэма. М., Мол. гвардия, 1990. 315 с.
4. Там же
5. Там же
6. Андреев Д. Л. Роза мира.
7. Там же
8. Там же
9. Там же
10. Там же
11. Там же